

Небо сгущалось, окрашиваясь в чернильные тона. Луна поспешно скрылась, а звезды едва проглядывали сквозь мрак.

Саймуэль стоял неподалеку, прислушиваясь к треску костра, шумным пересудам и удивленным возгласам деревенских жителей. Он невольно сжал пальцы.

Он видел израненную русалку: перекрещивающиеся шрамы на теле, спутанные грязные волосы. Полуприкрытые глаза существа были полны безжизненного спокойствия, в них не осталось ни капли надежды на жизнь. Лишь едва заметное вздымание груди доказывало, что это существо еще дышит.

Но еще невыносимее было видеть, как сельчане тычут пальцами, как их взгляды, полные любопытства и алчности, скользят по русалке, словно по какому-то редкому, диковинному предмету.

Саймуэль перевел взгляд на лицо Эйса. Он видел лишь равнодушный профиль, твердую линию челюсти да изумрудные глаза — глубокие и холодные, словно вечные льды на вершинах заснеженных гор.

От этого взгляда пробирало до костей.

Зубы Синина стучали от страха. В его глазах читались ужас, неверие и даже мольба, когда он смотрел на Эйса.

Линк же, казалось, вовсе не понимал, что происходит. Уставившись на русалку в толпе, он невзначай обронил:

— Какая красивая русалка. Никогда раньше не видел настоящую.

Помолчав, добавил:

— Правда, замучили её до полусмерти.

Чувствительные нервные окончания Синина словно обожгло. Кровь русалок, текущая в его жилах, закипела, заставив его едва не потерять дар речи.

Он был сыном человека и русалки, полукровкой, поэтому его русалочьи черты проявлялись слабо. Долгое время он жил на побережье, вдали от людей, пока его мать не ушла на рыбалку и не вернулась. Отец, отчаявшись найти её, забрал сына и ушел в человеческую деревню, где и скончался совсем недавно.

Местные жители были простыми и добрыми людьми, они заботились о Синине и его отце. По крайней мере, Синину казалось, что он был счастлив. Но потом пришли русалки и сделали это место своей базой.

Синин не хотел становиться пешкой в их руках, но зов крови был сильнее, да и отец его дал согласие. Он никогда не забудет того отца: с красными от ярости глазами, издающего беспомощный, звериный рык, но смотрящего на сына с такой нежностью и скорбью. Синин так и не понял, почему отец согласился на это, и до самой смерти тот не открыл ему тайну.

Синин не чувствовал связи с русалками. Прожив так долго среди людей, он считал себя одним из них. Но он забыл, что среди его сородичей тоже есть русалки.

— Тихо!

Раздался резкий окрик. Отряд хорошо вооруженных солдат расступился, и из кареты вышел старик. Его лицо, покрытое глубокими морщинами, напоминало сухую апельсиновую корку. Седые волосы, усталый, но жесткий взгляд и слегка опущенные уголки глаз придавали ему надменный вид.

Одет он был в роскошные одежды из ткани, которую здесь было не достать. На воротнике сиял драгоценный камень, а на сухих пальцах поблескивало золотое кольцо — всё в его облике выдавало высокое положение.

Он медленно прошествовал в центр толпы и, дождавшись, пока все взгляды устремятся на него, неспешно заговорил:

— Вы все знаете, что у Империи издавна есть традиция добывать жемчуг. Однако из-за сопротивления русалок объемы добычи невелики.

— В этом году снова настал сезон сбора жемчуга. Мы будем здесь всё это время.

Вокруг поднялся ропот. Старик недовольно скривился и поднял руку, призывая к тишине. Солдаты тут же гаркнули:

— Тихо!

Когда шум стих, старик продолжил:

— Эти несколько дней сбора жемчуга не помешают вам жить своей жизнью. Не бойтесь мести русалок — наш отряд стражи защитит вас. Более того, если кто-то поможет поймать русалку... — старик достал из кармана драгоценный камень. Он был обычным, но этого хватило, чтобы одурманить сельчан. — Один камень за одну русалку.

Пусть это был не самый ценный самоцвет, но, обменяв его на деньги, можно было безбедно прожить всю жизнь в этой глуши.

Толпа ахнула. Глаза крестьян впились в камень, жадность и жажда наживы почти лишили их рассудка.

Старик удовлетворенно усмехнулся. Его голос звучал хрипло:

— Разве это не выгодная сделка? Обменять бесполезную русалку на новую.

В конечном счете, это была сделка, где невозможно проиграть.

— Что он делает? — Саймуэль вглядывался в старика. Из-за расстояния он разобрал лишь обрывки фраз.

— Он подстрекает жителей выйти в море на охоту. Одна русалка — один камень, — Эдриан усмехнулся, в уголках его губ застыла ирония. — Хорошо придумано. И русалок поймают, и их внимание отвлекут, чтобы удобнее было собирать жемчуг.

— Они не согласятся, — Синин потер лицо, глядя на сельчан. — Им нет смысла рисковать жизнью. Они простые, добрые люди, они не станут убивать.

Саймуэль бросил взгляд на Снина и тяжело вздохнул. Он крепче вцепился в край одежды Эйса, так что костяшки пальцев побелели. Он слишком часто видел подобное на кораблях пиратов: жажда наживы всегда толкала людей на преступления. Чем беднее место, тем сильнее людские сердца тянутся к искушению, желая выбраться со дна.

Кто захочет всю жизнь влачить нищенское существование? Каждый день ходить по горным тропам на рынок, зарабатывая лишь на пропитание? Не каждый способен довольствоваться малым.

На слова Снина Эдриан лишь холодно усмехнулся. Он устремил на него изумрудный взгляд:

— Что ж, подождем и увидим.

Эдриан сделал несколько шагов вперед, ближе к оцеплению, откуда было лучше видно происходящее.

Старик протянул руку, и солдат подал ему тонкий серебряный нож. Лезвие ослепительно блеснуло в свете факелов, словно готовое пронзить глаза.

Солдат грубо схватил русалку за волосы и потащил к кромке берега. Волны с шумом омывали берег, слегка захлестывая руку существа.

Потухший взгляд русалки вдруг оживился. Она посмотрела на бескрайнее море — знакомое тепло, знакомый соленый воздух. Спустила столько лет она вернулась домой.

Существо попыталось приподнять руку, но сил больше не было.

Старик приказал поднести факелы ближе к воде. Его сухие пальцы сжали запястье русалки. Сверкнуло серебро, и на иссеченной шрамами руке появилась новая рана. Алая кровь медленно закапала в воду. Старик, оставшись недоволен, полоснул еще раз.

Тем временем солдаты, уже облаченные в водолазные костюмы, вооружившись, вошли в море. Сельчане не отставали: они спустили на воду рыбацкие лодки и приготовили сети и гарпуны. У столичных солдат было светящееся подводное снаряжение, поэтому искать добычу в глубине было несложно.

Слушая всплески рассекаемой воды, Саймуэль не выдержал:

— Мы не поможем ему?

Он имел в виду раненую русалку.

Эдриан покачал головой. Он обнял Саймуэля, прижавшись прохладными губами к его мочке уха. В его движениях сквозила усталость и странная привязанность:

— Ему уже не выжить.

Перед глазами Саймуэля снова всплыли те безжизненные, полные отчаяния глаза. Сердце сжалось: если даже надежды на жизнь не осталось, то действительно, спасать нечего.

— Единственное, что мы можем сделать — это забрать его тело в пучину, чтобы он обрел вечный покой.

Эдриан смотрел на русалку:

— Ему нужно освобождение.

Саймуэль промолчал, лишь крепче обнял Эйса, поглаживая его по спине, словно пытаясь утешить. Он всегда думал, что Империя лишь обороняется от агрессии русалок, что из-за войны страдают все, и что Империя угнетает русалок. Но он не думал, что это угнетение принимает такие чудовищные формы.

Страдания русалок, должно быть, куда глубже, чем их собственные. Ведь их так мало осталось.

Саймуэль на мгновение растерялся. Он пришел сюда, чтобы убить русалку, но, видя всё это, возненавидел этих грязных, корыстных аристократов.

Должен ли он по-прежнему убить короля русалок, Эдриана?

Саймуэль не знал. В его душе боролись противоречивые чувства.

Внезапно море пришло в движение. Волны пошли кругами, и на поверхности показались фигуры русалок — мокрые волосы, необычные ушные плавники. Запах крови выманил их из глубины. Они смотрели на аристократов и солдат.

— Наконец-то, мы долго вас ждали.

Старик бросил руку русалки, убрал нож и сделал знак. Сельчане тут же набросили сети на показавшихся в воде существ.

— Смешно.

Эдриан произнес это тихо, с ноткой насмешки. Синин, стоявший рядом, побледнел, словно его ударили по лицу. Линк уже присоединился к охотникам, с азартом набрасывая сети.

Но когти русалок были остры, как бритва. Одно движение — и сеть оказалась разодрана в клочья.

А затем над побережьем разлилось неземное, чарующее пение. Казалось, оно звучало отовсюду, медленно окутывая берег.

Мсть русалок никогда не ограничивалась лишь этим.

<http://bllate.org/book/18653/1797870>